

Сквозь границы: посредничество в конфликтах и управление в Ферганской долине Средней Азии

Ён Цзинь Ан, Зухриддин Юраев

Географический факультет Колледжа общественных наук Национального университета Чоннам, Кванджу, Корея; <https://www.jnu.ac.kr/jnumain.aspx>

Аннотация: Границы – не просто территориальные линии, но инструменты власти, влияющие на мобильность, безопасность и суверенитет. В статье рассмотрена эволюция политики пограничных споров и их разрешение в Ферганской долине – исторически нестабильном регионе на стыке границ Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Несмотря на недавние соглашения о демаркации государственных границ, там сохраняется напряжённость из-за доступа к воде, управления анклавом и контроля над инфраструктурой. Опираясь на политическую географию, теорию посредничества и миротворчества, в статье утверждается, что демаркация границ не устраняет споры, а трансформирует их при помощи новых форм исключения и обеспечения безопасности. Сочетая анализ конкретных примеров с теоретической литературой, исследование показывает, в какой степени на границы в Средней Азии по-прежнему влияют исторические обиды, геополитическая зависимость и взаимная зависимость от ресурсов. Статья вносит вклад в изучение вопросов территориального управления, трансформации конфликтов и постконфликтной динамики, показывая, что устойчивый мир требует не только юридической ясности, но и комплексных реляционных подходов к суверенитету и сосуществованию в пределах территории.

Ключевые слова: обеспечение безопасности границ, управление территориями, посредничество, суверенитет, изоляция, Средняя Азия, геополитика.

Вступление

Границы – это не просто территориальные линии, но инструменты власти, влияющие на суверенитет, мобильность, безопасность и изоляцию. В политической географии давно спорят,¹ чем являются границы – неизменным периметром государств² или динамичным инструментом управления, споров и контроля.³ На практике границы функционируют одновременно как правовые рамки, ограничивающие суверенитет, и как социальные площадки, где спорят о власти, встречая сопротивление. Примером такой двойственности служит Ферганская долина в Средней Азии: исторически раздробленная территория, а в настоящее время – зона геополитических манёвров, инфраструктурного влияния и ресурсной безопасности.

В этом исследовании мы рассмотрим Ферганскую долину – густонаселённый, политически нестабильный регион на стыке границ Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана, – сквозь призму критической политической географии и теории разрешения конфликтов. Несмотря на ряд недавних дипломатических соглашений, направленных на решение старых споров, включая демаркацию кыргызско-узбекской границы в 2023 году и урегулирование кыргызско-таджикской границы в 2024 году, сохраняется напряжённость в вопросах распределения водных ресурсов,⁴ управления анклавами, сосуществования этнических групп и приграничной торговли.⁵ Эта напряжённость указывает на то, что юридическая демаркация сама по себе не может разрешить более глубокие территориальные⁶ и символические конфликты, определяющие пограничную политику.⁷ Поэтому главный вопрос данного исследования – как историческое наследие, использование ресурсов и недавние дипломатические соглашения влияют на динамику

¹ John Agnew, “Borders on the Mind: Re-framing Border Thinking,” *Ethics & Global Politics* 1, no. 4 (2008): 175-191, <https://doi.org/10.3402/egp.v1i4.1892>.

² Paul Reuber, “Conflict Studies and Critical Geopolitics – Theoretical Concepts and Recent Research in Political Geography,” *GeoJournal* 50 (2000): 37-43, <https://doi.org/10.1023/A:1007155730730>.

³ Chiara Brambilla, Jussi Laine, Gianluca Bocchi, *Borderscaping: Imaginations and Practices of Border Making* (London: Routledge, 2016).

⁴ Sirojiddin Gulomov, “Politics of Partition: Understanding Border Issues in Central Asia,” *Science and Innovation: International Scientific Journal* 2, no. 10 (October 2023): 5-16, <https://doi.org/10.5281/zenodo.8422408>.

⁵ Niels Drost, Giulia Cretti, Babette van Giersbergen, “Central Asia Emerging from the Shadows: European Union – Central Asia Relations in Evolving Eurasian Geopolitics,” *Clingendael Report* (The Hague: Netherlands Institute of International Relations “Clingendael,” January 2025), <https://www.clingendael.org/pub/2025/central-asia-emerging-from-the-shadows/>.

⁶ Krista E. Wiegand, “Mediation in Territorial, Maritime and River Disputes,” *International Negotiation: A Journal of Theory and Practice* 19, no. 2 (2014): 343-370, <https://doi.org/10.1163/15718069-12341281>.

⁷ Wei Cheng, “Role of Mediation in Territorial Disputes in East Asia,” *Journal of Conflict Management* 4, no. 3 (2024): 1-13, <https://doi.org/10.47604/jcm.2627>.

обеспечения безопасности границ и разрешения конфликтов в Ферганской долине?

Для ответа на этот вопрос мы проанализируем: (а) как исторически сложившееся территориальное устройство продолжает влиять на нынешние споры; (б) как водная, энергетическая и экономическая зависимость усложняет контроль границ и геополитические проблемы; и (с) как недавние договоры меняют, но не решают вопросы суверенитета, закрытия границ и безопасности. Иными словами, мы рассматриваем границы не как пассивный результат межгосударственных переговоров, а как область активных территориальных отношений, формируемых инфраструктурой, асимметрией власти и геополитическим соперничеством. Исходя из идеи Клэра о том, что конфликты XXI века всё чаще определяются борьбой за доступ к ресурсам и инфраструктурный суверенитет,⁸ пример Ферганской долины показывает, как водные, энергетические ресурсы и трудовая миграция усложняют пограничные споры даже после подписания официальных соглашений.⁹ Гидрополитика долины, опирающаяся на реку Сырдарья и водохранилища выше по её течению, является одновременно фактором соперничества и сотрудничества разных стран.¹⁰

Методологически в исследовании применён синтез критической политической географии и конфликтологии. Вместо полевых исследований оно опирается на научную литературу, политические отчёты и эмпирические примеры для оценки усилий по урегулированию пограничных конфликтов. Используются теоретические исследования посредничества,¹¹ альтернативного разрешения споров¹² и трансформации территориальных конфликтов¹³ с изменением материальной и символической географии долины.¹⁴

⁸ Michael T. Klare, "The New Geography of Conflict," *Foreign Affairs* 80, no. 3 (2001): 49-61, www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2001-05-01/new-geography-conflict.

⁹ Sukhrob Buronov, "Water Geopolitics in Central Asia: Threat Analysis," *Oriental Journal of History, Politics and Law* 3, no.3 (2023): 27-34, <https://supportscience.uz/index.php/ojhpl/article/view/549>; см. также Kemel Toktomushev, "Understanding Cross-Border Conflict in Post-Soviet Central Asia: The Case of Kyrgyzstan and Tajikistan," *Connections: The Quarterly Journal* 17, no. 1 (2018): 21-41, <https://doi.org/10.11610/Connections.17.1.02>.

¹⁰ Shavkat Kenjabaev and Hans-Georg Frede, "Irrigation Infrastructure in Fergana Today: Ecological Implications – Economic Necessities," в *Society - Water – Technology: A Critical Appraisal of Major Water Engineering Projects*, ed. Reinhard F. Hüttlet et al. (Cham: Springer, 2016), 129-148, https://doi.org/10.1007/978-3-319-18971-0_10.

¹¹ Wiegand, "Mediation in Territorial, Maritime and River Disputes," 350.

¹² Siti Rahmah et al., "Resolution of Land Disputes Through Mediation," *Mahadi: Indonesia Journal of Law* 3, no.1 (2024): 51-62, <https://doi.org/10.32734/mah.v3i01.15763>.

¹³ Maria-Adriana Deiana, Milena Komarova, Cathal McCall, "Cross-Border Cooperation as Conflict Transformation: Promises and Limitations in EU Peacebuilding," *Geopolitics* 24, no.3 (2019): 529-540, 535, <https://doi.org/10.1080/14650045.2019.1599518>.

¹⁴ Bogdan Derevyanko et al., "Legal Foundations for Resolving Land Disputes Through

В исследовании утверждается, что соглашения о границе, меняющие правовой суверенитет, редко учитывают инфраструктурные, экологические и эмоциональные реалии, приводящие к рецидиву конфликта. В этом смысле Ферганская долина является частным примером общетеоретических дебатов в политической географии, особенно об ограничениях технократической демаркации границ и необходимости создания реляционного многоуровневого фундамента мирной жизни.¹⁵ Как показали недавние обострения в анклавах (Ворух) и неразрешённые споры о водопользовании, конфликт не заканчивается за столом переговоров;¹⁶ он проявляется в практике управления, социальной напряжённости и меняющейся стратегии региональных и внешних игроков.¹⁷

Переосмысливая границы, как подвижный предмет переговоров, а не статичный их результат, исследование вносит вклад в литературу о постимперском территориальном управлении, посредничестве в сложных конфликтах и значении инфраструктуры в миротворчестве. Эволюция пограничной политики в Средней Азии сравнивается в нём с аналогичными ситуациями в Кашмире, Нагорном Карабахе и между Израилем и Палестиной, где формальные соглашения сочетаются с продолжающимися поисками безопасности, этнической напряжённостью и геополитическими изменениями. Таким образом, исследование вносит теоретический вклад в понимание границ и на практике переосмысливает факторы стабилизации конфликтов в нестабильных приграничных регионах.¹⁸

Ввиду концептуального характера статьи, отдельный раздел о методологии опущен. Вместо этого в данном исследовании метод и теория объединены в одну аналитическую структуру.

Обзор научных исследований и аналитический подход

Политика границ в зонах конфликтов требует аналитических подходов, вы-

Mediation as an Alternative Dispute Resolution Method,” *European Energy and Environmental Law Review* 32, no. 5 (2023): 248-256, <https://doi.org/10.54648/eelr2023014>.

¹⁵ Nick Megoran, “Taking Account of Authoritarian Peacebuilding in Post-Liberal Statebuilding in Central Asia,” *Central Asian Survey* 42, no. 4 (2023): 732-734, <https://doi.org/10.1080/02634937.2023.2271528>.

¹⁶ Yevgeny Ivanov, “Revolutions in Kyrgyzstan,” в *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*, ed. Jack A. Goldstone, Leonid Grinin, and Andrey Korotayev (Cham: Springer, 2022), 517-547, https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_20.

¹⁷ См., например, Helena Desivilya Syna, “Negotiating Distinctiveness and Building Resilience: Arab and Jewish Women’s Acts of Micro-Emancipation in the Context of Israeli Municipal Councils,” *Conflict Resolution Quarterly* 42, no. 1 (Fall 2024): 181-199, <https://doi.org/10.1002/crq.21440>.

¹⁸ См. также В. К. Sharma, “Geopolitics in Central Asia: Implications for India,” *Indian Foreign Affairs Journal* 16, no. 4 (2021): 322-330, [www.associationdiplomats.org/Publications/ifaj/Vol16/16\(4\)/ARTICLE%204.pdf](http://www.associationdiplomats.org/Publications/ifaj/Vol16/16(4)/ARTICLE%204.pdf).

ходящих за рамки статичных концепций территории и суверенитета. Традиционная политическая география видела в границах фиксированный предел государственной власти, но современная наука рассматривает их как подвижные, согласуемые¹⁹ и символические области самосознания, изоляции и контроля ресурсов.²⁰ Это особенно видно в Ферганской долине, где пересекаются постсоветское наследие, этническое разнообразие, трансграничная борьба за ресурсы и геополитическое соперничество.

Границы, как практическое проявление территориальных споров

В политической географии в последнее время акцентируют внимание на конструктивистских многоуровневых подходах, рассматривающих границы не как территориальные линии, а как реляционные жизненные процессы.²¹ В Ферганской долине границы, установленные при советской этнотерриториальной инженерии, остаются очагами напряжённости не только из-за правовой неопределённости, но и потому, что они разделяют исторически переплетённые сообщества, общую инфраструктуру и географические символы.²² Эти многоуровневые споры превращают анклав, реки и пункты пропуска в эмоционально заряженные точки, созданные политиками.

Такие границы «оживляют» ежедневные контакты, неформальная экономика, безопасность передвижения и захват инфраструктуры. В этих условиях суверенитет не определяется договорами, а реализуется и ежедневно оспаривается путём наблюдения, контроля водных ресурсов и доступа к дорогам. Более того, негосударственные субъекты и местные сообщества часто сами определяют территорию «снизу вверх»,²³ формируя альтернативную картину, отличающуюся от видения элит. Поэтому при миротворчестве следует учитывать не только то, как территория определена, но и то, как она воспринимается и символизируется.

Такое переосмысление влечёт прямые последствия для разрешения конфликтов во многих отношениях. Оно требует перехода от «технической демаркации» к «пространственной трансформации» – процессу, учитывающему эмоциональную географию страха, самосознания и дискриминации. Как показал Чэн²⁴ и за десять лет до него Виганд,²⁵ стратегии посредниче-

¹⁹ Brambilla, Laine, Bocchi, *Borderscaping: Imaginations and Practices of Border Making*.

²⁰ Reuber, "Conflict Studies and Critical Geopolitics," 40; см. также Toktomushev, "Understanding Cross-Border Conflict in Post-Soviet Central Asia," 30.

²¹ Reuber, "Conflict Studies and Critical Geopolitics," 40.

²² Nick Megoran, Shavkat Rakhmatullaev, "Authoritarianism, Ethnic Management and Non-Securitisation: The Kyrgyz Minority in Uzbekistan," *Europe-Asia Studies* 74, no. 2 (2022): 237-265, 245, <https://doi.org/10.1080/09668136.2022.2032603>.

²³ Tal Levy, "Political Geography and Grassroots Conflict Resolution," in *People-to-People Diplomacy in Israel and Palestine*, ed. Sapir Handelman (London: Routledge, 2014), 140-154, <https://doi.org/10.4324/9781315540276>.

²⁴ Cheng, "Role of Mediation in Territorial Disputes in East Asia," 7.

²⁵ Wiegand, "Mediation in Territorial, Maritime and River Disputes," 350.

ства более эффективны, когда они учитывают, как конфликтующие интересы, так и конкурирующие пространственные нарративы, переосмысливая границы как политические проекты, подлежащие обсуждению.

Поворот к ресурсам: конфликты и экологический суверенитет

Территориальные споры в Средней Азии всё чаще определяются логикой ресурсов, а не традиционным геополитическим соперничеством. Тезис Майкла Клэра о «новой географии конфликта» предвосхищал, что главными полями сражений в XXI веке будут доступ к воде, энергии и минералам, а не идеологическое господство.²⁶ В Ферганской долине этот прогноз оказался пророческим. В настоящее время в напряжённости на границах региона доминируют конфликты из-за гидроэнергетической инфраструктуры, ирригационных систем и прав на трансграничные водные ресурсы.

Этот сдвиг отражает «объёмное» понимание суверенитета по Стейнбергу и Питерсу – концепцию выхода суверенитета за границы территории, в недра, атмосферу и окружающее пространство.²⁷ Например, в бассейне Сырдарьи контроль расположенных выше по течению водохранилищ и сезонных водотоков превратился в форму контроля территории, меняя региональную иерархию и порождая новые гидрополитические зависимости.

При этом конфликты за ресурсы нельзя решить классическим методом. Их неразрешимость, фрагментарность и связь с инфраструктурой исключают территориальное решение. Напряжённость ещё больше усугубляется переплетением этнических обид и исторической маргинализацией, превращая экологический суверенитет в техническую и символическую проблему. Внешние игроки, такие, как Россия и Китай, ещё больше усложняют ситуацию, встраивая контроль над инфраструктурой в новые геополитические зависимости.²⁸

Разрешение этих конфликтов требует стратегий, учитывающих экологические аспекты. Хан и Али полагают, что инфраструктура при инклюзивном планировании может стать «инструментом сотрудничества», превращая границы в зоны взаимозависимости,²⁹ но для этого нужны институциональные механизмы, обеспечивающие совместное управление, экологическую устойчивость и справедливое распределение выгод. В ином случае разработка ресурсов может усилить неравенство и обострить конфликты. Пере-

²⁶ Klare, "The New Geography of Conflict," 55.

²⁷ Philip Steinberg, Kimberley Peters, "Wet Ontologies, Fluid Spaces: Giving Depth to Volume through Oceanic Thinking," *Environment and Planning D: Society and Space* 33, no. 2 (2015): 247-264, <https://doi.org/10.1068/d14148p>.

²⁸ Ivanov, "Revolutions in Kyrgyzstan," 525; см. также Toktomushev, "Understanding Cross-Border Conflict in Post-Soviet Central Asia," 30.

²⁹ Sarah Khan, Ahmed Ali, "Cross-Border Infrastructure Projects and Regional Peace-building," *Journal of Regional Connectivity and Development* 2, no.1 (2023): 172-183, www.journalofregionalconnectivityanddevelopment.com/index.php/2/article/view/19.

ход к ресурсному суверенитету требует новых парадигм миростроительства, основанных на экологической и инфраструктурной справедливости и трансграничном экологическом сотрудничестве.

Посредничество и этнотерриториальный диалог

В условиях обострённого самосознания, памяти и символических обид традиционная дипломатия часто не способна разрешить конфликты. Ферганская долина – как раз тот случай, где в многочисленных анклавах инородных этнических общин продолжаются конфликты, несмотря на формальные соглашения.³⁰ Виганд пришёл к выводу, что конфликты, основанные на нематериальных претензиях – этнической принадлежности, религии, самосознании – будут лишь обостряться и нарастать от «директивного посредничества», нацеленного на результат, а не на диалог.³¹

В работе Чэна отмечена важность «многостороннего» посредничества с участием представителей гражданского общества, неформальных посредников и местных институтов, особенно при стагнации элитарной дипломатии.³² Деревянко с коллегами добавляет, что эффективное посредничество должно быть культурно приемлемым, иметь правовую основу³³ и быть частью инклюзивного процесса, что не типично для Средней Азии.

Но посредничество само по себе не гарантирует прочный долгосрочный мир. Как показал Пью на примере границы Эквадора и Колумбии,³⁴ миротворчество успешно лишь тогда, когда оно предусматривает ответственность на местах, организованное совместное управление и долгосрочный план действий. Это согласуется с концепцией «пограничных ландшафтов»³⁵ – пониманием границы, как общей и общественной области, формируемой как геополитическим давлением, так и повседневной жизнью.

На макроуровне трансграничная инфраструктура способствует экономической взаимозависимости и дипломатии доверия.³⁶ На микроуровне местные игроки часто строят территорию иначе. Сина показала, как женщины в израильских муниципалитетах используют неформальные подходы, включая лоббирование, создание коалиций и символическое блокирование для

³⁰ W. John Morgan, "Soft Power, Public Diplomacy, and Modernity in China and Russia," *Eurasian Geography and Economics* 66, no. 2 (June 2023): 279-285, <https://doi.org/10.1080/15387216.2023.2225069>.

³¹ Wiegand, "Mediation in Territorial, Maritime and River Disputes," 350.

³² Cheng, "Role of Mediation in Territorial Disputes in East Asia," 7.

³³ Derevyanko et al., "Legal Foundations for Resolving Land Disputes Through Mediation," 250.

³⁴ Jeffrey D. Pugh, "Peacebuilding among Transnational Youth in Migrant-Receiving Border Regions of Ecuador," *Journal of Peacebuilding & Development* 11, no. 3 (2016): 83-97, <https://doi.org/10.1080/15423166.2016.1222591>.

³⁵ Deiana, Komarova, McCall, "Cross-Border Cooperation as Conflict Transformation."

³⁶ Khan, Ali, "Cross-Border Infrastructure Projects and Regional Peacebuilding," 175.

преобразования этнически разделённых институтов.³⁷ В рамках эксперимента «Умы мира» Леви далее показывает, как поощрение публичных переговоров позволяет прийти к территориально гибким, прагматичным решениям, переосмысливая пространство как совместный проект, а не как выигрыш одного за счёт другого.³⁸ В целом эти исследования обосновывают гибридную модель разрешения конфликтов в приграничных регионах, сочетающую формальное посредничество с этнотерриториальным диалогом, организационными изменениями и участием низовых структур.

К трансформационной структуре миростроительства на границе

Миростроительство в Ферганской долине и на подобных спорных территориях должно учитывать материальные, символические и инфраструктурные аспекты конфликта. Это подразумевает: (а) посредничество не как единичный акт, а как многоуровневый реляционный процесс; (b) институционализацию платформ диалога на уровне сообществ по обе стороны границ; (c) справедливое и экологичное планирование трансграничной инфраструктуры; и (d) понимание суверенитета как совместного управления территорией, а не жёсткого территориального контроля. Там, где границы воспринимают как обиду, историю и изоляцию, урегулирование должно происходить не только на основе договоров, но и при помощи практик, учитывающих особенности территории и меняющих способ проживания, совместного использования и управления территорией. Наиболее эффективным будет посредничество в вопросах территории и интересов, превращающее спорные границы в зону сосуществования, стабильности и долгосрочного мира.

Фундамент исследования

В исследовании применена гибридная теоретическая модель, объединившая взаимодополняющие направления исследований:

- Критическая политическая география, как основа для понимания, почему суверенитет, изоляция и территориальность не вечны, а постоянно воспроизводятся и оспариваются, исходя из местных реалий Ферганской долины,
- Ресурсная геополитика, позволяющая понять, как трансграничные водные и энергетические объекты, а также миграционные потоки создают зависимость и неравенство, усложняющие управление границами, и
- Теория разрешения конфликтов и миротворчества, особенно в области посредничества, этнотерриториального диалога и инфраструктурной дипломатии, дающая инструменты для трансформации давних территориальных конфликтов на основе инклюзивных многоуровневых подходов с учётом позиции местных сообществ.

³⁷ Syna, "Negotiating Distinctiveness and Building Resilience," 190.

³⁸ Levy, "Political Geography and Grassroots Conflict Resolution," 145.

Объединяя эти подходы, статья рассматривает Ферганскую долину не просто как сохраняющийся очаг территориальной напряжённости, но как важнейшую лабораторию для отработки стратегий трансформации конфликтов. В ней утверждается, что территорию следует рассматривать одновременно как источник противоречий и средство достижения мира, а долгосрочные решения требуют не только реорганизации, но и переосмысления территориальных отношений.

Пограничные споры в Средней Азии

В Средней Азии границы – это не статичные демаркационные линии на карте, а динамичные зоны геополитических конфликтов, исторического наследия и социально-политических противоречий (Рис. 1). Нигде это не проявляется ярче, чем в Ферганской долине, где сходятся земли Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Этот густонаселённый, богатый ресурсами и многонациональный регион долгое время считался самой нестабильной приграничной зоной Средней Азии. Его стратегическое значение, обусловленное сельским хозяйством, гидрологией и инфраструктурой, обострило споры о контроле территории и суверенитете.³⁹

Рис. 1: Карта Средней Азии.

³⁹ Megoran, "Taking Account of Authoritarian Peacebuilding in *Post-Liberal Statebuilding in Central Asia*."

Политическая география Ферганской долины напрямую связана с её территориальным устройством в советское время, а именно с политикой разграничения национальных территорий 1924 года, разделившей регион на неадекватные административные единицы. После распада СССР в 1991 году эти внутренние границы стали международными, введя этническую напряжённость и инфраструктурную взаимозависимость в жёсткие государственные рамки. Так, в 2016 году на кыргызско-узбекской границе было 58 спорных участков, что часто вызывало споры на местах и подпитывало националистическую риторику.⁴⁰

Как показано на Рис. 2, эти границы выполняют функцию не нейтральных демаркационных линий, а инструментов проецирования силы в регионе. В постсоветский период государства реагировали на нестабильность укреплением границ, милитаризацией пунктов пропуска, возведением заграждений и размещением войск в регионе. Мятеж Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в конце 1990-х годов усилил такую логику безопасности и превратил Ферганскую долину в линию фронта между экстремизмом и защитой государств.⁴¹ Между тем этнические беспорядки 1990 и 2010 годов, особенно в Оше, показали связь границ не только с территориальными претензиями, но и с политикой самосознания, демографическими противоречиями и динамикой отношений государств с меньшинствами.⁴²

В этих нестабильных условиях демаркация границы – не просто юридическая или техническая задача, а «спорная форма организации территории». Она определяет доступ к воде, перемещения, торговлю и национальное самосознание. Наследие гражданской войны в Таджикистане (1992-1997) всё ещё препятствует заключению пограничных соглашений, особенно с Кыргызстаном.⁴³ Прошлый односторонний подход Узбекистана к обеспечению безопасности границ, в частности, путём минирования и ограждения спорных участков, лишь усилил взаимное недоверие и разделил региональную инфраструктуру.⁴⁴

⁴⁰ Eric McGlinchey, “The April 2021 Kyrgyz-Tajik Border Dispute: Historical and Causal Context,” Crossroads Policy Brief 2-2021, *Crossroads Central Asia*, July 2021, 1-8, <https://crossroads-ca.org/the-april-2021-kyrgyz-tajik-border-dispute-historical-and-causal-context/>.

⁴¹ Muhammad Manzoor Elahi et al., “Soviet Practices of (B)ordering: Mapping Blur Borders and Identity Crisis in Post-Soviet Fergana Valley, Central Asia,” *Journal of Positive School Psychology* 7, no. 3 (2023): 954-970, <https://journalppw.com/index.php/jpsp/article/view/16267>.

⁴² Megoan, Rakhmatullaev, “Authoritarianism, Ethnic Management and Non-Securitisation: The Kyrgyz Minority in Uzbekistan.”

⁴³ Zhulduz Baizakova, “Border Issues in Central Asia: Current Conflicts, Controversies and Compromises,” *Revista UNISCI* 45 (2017): 221-234, <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=76754084010>.

⁴⁴ Gulomov, “Politics of Partition: Understanding Border Issues in Central Asia,” 10.

Рис. 2: Карта Ферганской долины и места возможных конфликтов на границе.

Однако недавние соглашения открыли новый этап. Урегулирование кыргызско-таджикского пограничного спора в 2024 году и обмен территориями между Узбекистаном и Кыргызстаном (анклав Барак) свидетельствуют о том, что пограничная политика в Центральной Азии эволюционирует от статичной территориальной обороны к взаимозависимости на основе переговоров.⁴⁵ Эти события указывают на переход от силового суверенитета к «гибкому управлению», когда приоритет отдаётся стабильности, мобильности и прагматичному сотрудничеству.

Признание анклавов и гарантии беспрепятственного транзита отражают новую динамику в регионе. Сближение Узбекистана и Таджикистана – ещё один пример снижения политических выгод нерешённых споров по мере того, как на первый план выходят экономические ограничения и геополитические расклады. Но решение пограничных споров не исключает их политической функции. Напротив, оно превращает их в стратегический актив и рычаг влияния в торговле, инфраструктуре и региональных связях.⁴⁶

Этот сдвиг отражается и в растущей интернационализации использования ресурсов. Тот факт, что Таджикистан совместно с Нидерландами принимал Водную конференцию ООН 2023 года, показывает, как вода, некогда провоцировавшая военные действия в регионе, превращается в основу для

⁴⁵ Drost, Cretti, van Giersbergen, "Central Asia Emerging from the Shadows."

⁴⁶ Sharma, "Geopolitics in Central Asia," 325.

дипломатического взаимодействия.⁴⁷ Трансевразийские торговые пути, включая поддержанный ЕС Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ),⁴⁸ тоже влияют на региональную геополитику, отвлекая потоки от российского Северного коридора. Однако эта переориентация не лишена рисков: она может усилить влияние Китая в регионе и позволить России косвенно обойти санкции.⁴⁹

В то же время страны Средней Азии ищут южные торговые коридоры через Пакистан и Иран, предпочитая доступ к морю евразийской взаимозависимости. Эта переориентация отражает более широкую региональную стратегию, которая смещается от замкнутости на суше к геополитической роли. В этой связи границы становятся не символом изоляции, а инструментом экономической стратегии и политических сигналов.⁵⁰ Договорённости о суверенитете могут снизить вероятность насильственных конфликтов, но они также смещают споры в сторону использования ресурсов, взаимосвязей и внешнего влияния. Ферганская долина, некогда символ раздробленности, теперь олицетворяет стремление региона превратить границы в мосты – зону не жёсткой конфронтации, а гибких переговоров и стратегической взаимозависимости.⁵¹

Проблемы Ферганской долины

Проблемы на границах: изменение динамики территориальной напряжённости

Ферганская долина – не просто пограничная территория; это сосредоточие пересекающихся суверенитетов, разделённого территориального самосознания и нерешённых инфраструктурных проблем. Чтобы понять развитие напряжённости на этой территории, нужно выйти за рамки описаний и посмотреть, как управление границами, неудачи посредничества и изоляция анклавов воспроизводят конфликты, несмотря на недавние дипломатические прорывы.

⁴⁷ United Nations, “Report of the United Nations Conference on the Midterm Comprehensive Review of the Implementation of the Objectives of the International Decade for Action, ‘Water for Sustainable Development’ 2018–2028, New York, 22–24 March 2023,” <https://digitallibrary.un.org/record/4031378?ln=en&v=pdf>.

⁴⁸ World Bank, “Improving Transport Connectivity in Central Asia Requires a Coherent Approach,” Press Release No. 2021/ECA/77, April 2, 2021, 12, www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/04/02/improving-transport-connectivity-in-central-asia-requires-a-coherent-approach.

⁴⁹ Drost, Cretti, van Giersbergen, “Central Asia Emerging from the Shadows.”

⁵⁰ См., например, Pauline Lövgren, “Responsibility to Protect, Eurasianism, or Russkiy Mir?” Master’s Essay (Stockholm University, 2022), <https://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A1665018&dswid=8501>.

⁵¹ Andrew Foxall, “Borders, Boundaries, and Central Asia Geopolitics,” *Geopolitics* 23, no. 3 (2018): 743-746, <https://doi.org/10.1080/14650045.2018.1451845>.

Долина, охватывая несколько регионов разных стран (Табл. 1), остаётся экологически взаимосвязанной, но политически раздробленной, в силу асимметричного доступа к земле, воде и правам транзита. Эти важные различия неотделимы от этнопространственной сложности региона, где встроенные друг в друга сообщества разделены не только границами, но и различными режимами передвижения и неодинаковым доступом к инфраструктуре.⁵² Как утверждает Виганд, такие противоречия, проистекающие из самосознания и территории,⁵³ особенно подвержены эскалации и не поддаются стандартным юридическим решениям.

География долины неизменна, но политическое значение её границ за десятилетия изменилось от постсоветской фрагментации к укреплению безопасности и, в последнее время, к стабилизации на основе переговоров. Однако эти изменения демонстрируют не только тактические сдвиги; они указывают на ограничения государственной демаркации границ и решения конфликтов «сверху вниз».

Таблица 1. Региональная структура Ферганской долины

Страна	Регион	Площадь (км ²)	Полностью в долине
Кыргызстан	Баткен	17 000	Нет
	Джалалабад	33 700	Нет
	Ош	50	Да
	Ошская обл.	29 200	Нет
Таджикистан	Согдийская обл.	25 400	Нет
Узбекистан	Андижан	4 303	Да
	Фергана	7 005	Да
	Наманган	7 101	Да
Всего		123 759	

Составлена авторами на основе общедоступных статистических данных.

Эскалация без решения: модель фрагментированного управления

1990-2000-е гг.: от этнической напряжённости к инерции безопасности

В 1990-х годах территориальная неопределённость, порождённая советским этнотерриториальным устройством, вылилась в этническое насилие, самым ярким примером которого стали беспорядки в Оше в 1990 году.⁵⁴ Это

⁵² Buronov, "Water Geopolitics in Central Asia: Threat Analysis," 30.

⁵³ Wiegand, "Mediation in Territorial, Maritime and River Disputes," 350.

⁵⁴ Nick Megoran, "For Ethnography in Political Geography: Experiencing and Re-imagining Ferghana Valley Boundary Closures," *Political Geography* 25, no. 6 (2006): 622-640, <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2006.05.005>.

были не отдельные инциденты, а проявления симптомов того, что Дьячук и Казбаева назвали «неурегулированной асимметрией идентичности», где отсутствие процедур примирения и этнического посредничества позволило историческим обидам перерасти в территориальную сегрегацию.

Последующее укрепление безопасности, возведение пограничных заграждений, размещение войск и изоляция анклавов усугубили структурный раскол между этническими группами и государствами. Политика одностороннего закрытия границ Узбекистаном в 2000-х годах стала примером того, что Клэр назвал бы «использованием пространства как оружия»,⁵⁵ когда возможности перемещения, доступ к воде и даже родственные связи стали зависеть от контроля государством территории.⁵⁶

Но подобные стратегии не смогли решить обострившиеся в тот период споры вокруг анклавов. Такие общины, как Сох, Шахимардан и Ворух, превратились в политические аномалии, физически окружённые, политически изолированные и функционально отчуждённые. По словам Чэна,⁵⁷ эти «микротерриториальные кризисы» символизируют споры, требующие директивных стратегий посредничества и культурно обусловленного участия третьих сторон; однако в тот период таких попыток не было.

2010-2020-е гг.: старт переговоров при сохранении базовых противоречий

К 2010-м годам дипломатическая усталость и повторение этнических беспорядков (как в Оше в 2010 г.) выявили ограниченность сдерживания на основе укрепления безопасности. Однако в ту пору всё ещё не хватало надёжных посреднических структур и локальных механизмов миростроительства. Виганд отмечал, что вероятность урегулирования наиболее критичных территориальных споров,⁵⁸ особенно связанных с анклавами или этническими претензиями, при помощи посредничества резко возрастает, однако это предполагает институциональную готовность и политическую волю, которых по-прежнему не хватает.

Лишь в 2020-х годах произошёл настоящий стратегический сдвиг. Такие знаковые соглашения, как договор о делимитации границы между Кыргызстаном и Таджикистаном (2024) и договор об обмене территорией между Узбекистаном и Кыргызстаном (Барак), ознаменовали не только урегулирование пограничных вопросов, но и структурный сдвиг в региональной дипломатии.⁵⁹ Но, как и предупреждала Филяева в своем исследовании нетерриториальных межэтнических конфликтов, одна лишь правовая ясность не

⁵⁵ Marianna I. Dyachuk, Assel G. Kazbayeva, "Particular Qualities of Reconciliation Procedures in the Interethnic Conflict," *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan* 2, no. 77 (2024), https://doi.org/10.52026/2788-5291_2024_77_2_267.

⁵⁶ Klare, "The New Geography of Conflict," 55.

⁵⁷ Cheng, "Role of Mediation in Territorial Disputes in East Asia," 7.

⁵⁸ Wiegand, "Mediation in Territorial, Maritime and River Disputes," 350.

⁵⁹ Drost, Cretti, van Giersbergen, "Central Asia Emerging from the Shadows."

гарантирует стабильности.⁶⁰ Без структурной интеграции и диалога с местным населением такие соглашения рискуют превратиться в решения элит, оторванные от местных реалий.

Тем временем на первый план вновь вышли переговоры о гидроресурсах. Контроль над Сырдарьей с каналами стал главной темой дискуссий не только о доступе к воде, но и о суверенитете, зависимости и экологической устойчивости. Как утверждает Сити Рахма с коллегами, говоря о посредничестве в земельных вопросах, успех любого соглашения зависит от его обязательности, соответствия культурным традициям и механизмов реализации,⁶¹ которые в Ферганской долине остаются слабыми.

К многоуровневому пониманию пограничной политики

Нынешнюю деэскалацию территориальных споров следует рассматривать не как решение, а как новый порядок. Сегодня мы видим в Ферганской долине парадокс: формальные проблемы границ решаются, а конфликты, связанные с инфраструктурой и самосознанием, остаются. В анклавах не решаются проблемы логистики, в то время как проекты регионального взаимодействия, такие, как Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), отражают изменение геополитической расстановки сил, создавая новые зависимости и привлекая новых игроков.⁶²

Как отмечает Сина в своём анализе микроэмансипации в этнически разделённых институтах, трансформация территории невозможна без инициативы снизу.⁶³ Это особенно актуально для долины, где география проживания продолжает создавать трудности для территориальных преобразований на уровне государств. Игнорирование диалога «снизу-вверх», инклюзивного планирования и местных переговорных площадок сохраняет возможность новой вспышки пограничных конфликтов – не по старым линиям, а в силу новой напряжённости по вопросам перемещений, доступа и инфраструктуры.

От споров к дилемме

В целом, Ферганская долина – это пример «дилеммы после решения проблем безопасности». Формальные соглашения снижают заметность конфликта, но не решают глубинных территориальных и этнических проблем, лежащих в основе напряжённости на границах. Переход от открытых территориальных споров к политике ресурсов и транспортного сообщения скорее сигнализирует о более тонком, но не менее важном этапе эволюции границ

⁶⁰ Алина Игоревна Филяева, “Институциональное урегулирование нетерриториальных межэтнических конфликтов: стратегии адаптации и интеграции,” *Российский социально-гуманитарный журнал*, №2 (2023): 6, <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-2-1283>.

⁶¹ Rahmah et al., “Resolution of Land Disputes Through Mediation,” 55.

⁶² World Bank, “Improving Transport Connectivity in Central Asia Requires a Coherent Approach.”

⁶³ Syna, “Negotiating Distinctiveness and Building Resilience,” 190.

в Средней Азии. Чтобы избежать рецидива, управление в будущем должно включать: (а) местные посреднические платформы; (б) трансграничное планирование инфраструктуры с учётом конфликтов; и (с) переход от контроля территории к совместному управлению ею. Речь идёт не только о дипломатии, но и о переосмыслении сути управления территориями в этнически разнообразных, экологически взаимозависимых и геополитически нестабильных приграничных районах.

Сложности управления ресурсами

Использование ресурсов в Ферганской долине вышло за рамки экологии и экономики, оказавшись в центре геополитического соперничества⁶⁴ Конфликты из-за воды, энергоресурсов, миграции и незаконной торговли показывают, что границы в Средней Азии уже не являются просто территориальными рубежами; они представляют собой стратегические врата, при помощи которых региональные игроки согласовывают вопросы суверенитета, зависимости и мирового влияния.

Политика гидроресурсов и суверенитет

В центре региональной гидрополитики остаётся Сырдарья. Контроль Кыргызстана над водохранилищами, расположенными выше по течению, включая Орто-Токойское (Касансайское), и гидроэлектростанцией Камбар-Ата-3 даёт ему не только возможность регулировать водные ресурсы, но и геополитическое влияние на Узбекистан, чьё сельское хозяйство, в основном основанное на орошении, зависит от постоянного стока воды в нижнем течении.⁶⁵ Но эти противоречия касаются не только двух сторон; они проявляются в инфраструктурной дипломатии, где вода одновременно становится инструментом сотрудничества и принуждения.

Здесь применима концепция «объёмного суверенитета» Стейнберга-Питерса: контроль государства не только над землей, но и над водными потоками, плотинами и сезонными сбросами. Эту динамику иллюстрирует военное противостояние на Орто-Токойском (Касансайском) водохранилище в 2016 году: контроль ресурсов становится силовым, территориальным и потенциально военным, что ведёт к возникновению очагов напряжённости, которые трудно устранить технически.⁶⁶

⁶⁴ Sobir Kurbanov, "Fostering Prosperity in the Fergana Valley through Economic Development, Cross Border Trade, and Investment," Visiting Fellow Program (Xinjiang, PRC: CAREC Institute, December 2021), <https://www.carecinstitute.org/wp-content/uploads/2021/12/CI-VFP-2021-Fergana-Valley-10-Dec-2021.pdf>.

⁶⁵ См., например, Andrei Dörre, "Changes in the Relationship Between Borders and Pastoral Mobility in Mountain Regions of Central Asia," в *Mapping Transition in the Pamirs: Changing Human-Environmental Landscapes*, ed. Hermann Kreutzmann and Teiji Watanabe (Cham: Springer, 2016), 95-112, https://doi.org/10.1007/978-3-319-23198-3_7.

⁶⁶ Rahmah et al., "Resolution of Land Disputes Through Mediation," 55.

Ченг⁶⁷ и Деревянко с коллегами⁶⁸ отмечают, что подходы к посредничеству в подобных ситуациях требуют организационных рамок, сочетающих юридическую силу, культурную легитимность и постоянный диалог между институтами. Однако отсутствие постоянных институтов водной дипломатии делает Среднюю Азию уязвимой к циклам эскалации и временной деэскалации без системной трансформации конфликта.

Энергетическая инфраструктура и внешняя зависимость

Стратегическое проникновение России в энергетическую инфраструктуру региона превратило управление границами в функцию геополитических союзов.⁶⁹ Несмотря на запасы газа в Узбекистане, сохранение зависимости от импорта из России и строительство АЭС при помощи «Росатома» показывают, как захват инфраструктуры влияет на энергетический суверенитет.⁷⁰ Переговоры Кыргызстана с Россией о ядерной энергетике усиливают эту тенденцию, указывая на общую подверженность региона контролю извне.

Майкл Клэр предвидел этот сдвиг: в «новой географии конфликта» соотношение сил определяется не идеологическими союзами, а ресурсными коридорами.⁷¹ Отмеченная нами инфраструктурная зависимость подтверждает этот прогноз. Когда энергетическую инфраструктуру контролируют внешние силы, государства теряют самостоятельность не только во внутренней энергетической политике, но и в пограничной дипломатии, особенно если переговоры о совместном использовании ресурсов и транзитных маршрутах идут под давлением или в неравных условиях.

Миграция, как инструмент безопасности

Ресурсная политика охватывает и сферу труда и миграции. Зависимость от денежных переводов – 32 % ВВП в Таджикистане, 27 % в Кыргызстане и 18 % в Узбекистане – привязывает региональные экономики к российскому рынку труда, что, в свою очередь, влияет на их стратегии управления границами и дипломатическую гибкость.⁷² Теракт в «Крокус Сити Холле» в 2024 году при участии граждан Таджикистана спровоцировал гонения на почве ксенофобии, принудительные депортации и экономическую нестабильность, продемонстрировав уязвимость региона к внешнеполитическим потрясениям.

⁶⁷ Cheng, “Role of Mediation in Territorial Disputes in East Asia,” 7.

⁶⁸ Derevyanko et al., “Legal Foundations for Resolving Land Disputes Through Mediation,” 250.

⁶⁹ John Heathershaw, Catherine Owen, Alexander Cooley, “Centred Discourse, Decentred Practice: The Relational Production of Russian and Chinese ‘Rising’ Power in Central Asia,” в *Rising Powers and State Transformation*, ed. Shahar Hameiri, Lee Jones, and John Heathershaw (London: Routledge, 2020), 44-62, <https://doi.org/10.4324/9781003020042>.

⁷⁰ Ivanov, “Revolutions in Kyrgyzstan,” 525.

⁷¹ Klare, “The New Geography of Conflict,” 55.

⁷² Drost, Cretti, van Giersbergen, “Central Asia Emerging from the Shadows.”

Такая связь миграции с безопасностью имеет прямые последствия на земле. Безработные и политически маргинализированные возвращенцы усугубляют напряжённость в и без того нестабильных приграничных зонах.⁷³ Как отмечает Филяева, неразрешённая межэтническая напряжённость растёт, когда социальная реинтеграция не работает, а экономическое отчаяние нарастает – что мы и наблюдаем сейчас в анклавах и трансграничных трудовых коридорах.⁷⁴ Набор в России трудовых мигрантов из Средней Азии на войну с Украиной ещё больше размывает грань между миграцией и милитаризацией, превращая пограничную политику в инструмент участия в транснациональных конфликтах.⁷⁵

Незаконная торговля и обход санкций

Новые торговые пути и «механизмы обхода санкций» добавили ещё один уровень сложности. Перехват китайских беспилотников под видом сельскохозяйственной техники на казахско-кыргызской границе в 2023 году⁷⁶ сигнализирует об изменении: границы теперь охраняют не только ради территориальной целостности, но для соблюдения требований международных норм.⁷⁷ Активизация незаконного транзита, будь то запрещённые технологии, товары чёрного рынка или изделия двойного назначения, превращает Среднюю Азию в логистический хаб между подсанкционными экономиками и мировыми рынками.

Это подтверждает тезис Клэра: богатые ресурсами трансграничные регионы становятся «зонами конфликта по умолчанию», не из-за явных военных действий, а из-за их роли в экономических союзах и геополитических манёврах. С превращением границ в место обмена в многополярном нормативном поле местные игроки часто бывают ограничены национальным суверенитетом, международным давлением и теневой экономикой.

Влияние инфраструктуры на развитие и стратегию

Управление ресурсами в Ферганской долине – уже не просто вопрос распределения или освоения, а «геостратегический проект», где инфраструктура, рабочая сила и энергоресурсы становятся инструментами влияния. Механизмы посредничества и миротворчества должны адаптироваться к

⁷³ Morgan, "Soft Power, Public Diplomacy, and Modernity in China and Russia," 4.

⁷⁴ Filyaeva, "Institutional Settlement of Non-Territorial Interethnic Conflicts," 6.

⁷⁵ Rene D. Kanayama, "Renewed Kyrgyz-Tajik Border Conflict – Cui Bono?" *Sicurezza, Terrorismo e Società* 16, no. 2 (2022): 17-43, www.sicurezzaeterrorismosocieta.it/wp-content/uploads/2022/12/SicTerSoc16-Kanayama-Renewed-Kyrgyz-Tajik-Border-Conflict-%E2%80%93-Cui.pdf.

⁷⁶ Heathershaw, Owen, Cooley, "The Relational Production of Russian and Chinese 'Rising' Power in Central Asia," 50.

⁷⁷ Charles J. Sullivan, "Battle at the Border: An Analysis of the 2021 Kyrgyzstan-Tajikistan Conflict," *Asian Affairs* 52, no. 3 (2021): 529-535, <https://doi.org/10.1080/03068374.2021.1940587>; см. также Sharma, "Geopolitics in Central Asia," 325.

этим изменениям.⁷⁸ Как отмечают Деревянко⁷⁹ и Рахма с коллегами,⁸⁰ административно-правовая ясность необходима, но недостаточна без инклюзивности и подотчётности.

Способность государств Средней Азии заменить внешнюю зависимость самостоятельностью региона, при помощи совместного управления, общего контроля водных и энергетических ресурсов и управления границами с учётом интересов местного населения, определит, станет ли долина образцом гибкого миростроительства, или же останется ареной постоянных споров. Таким образом, Ферганская долина оказалась в центре более широких трансформаций: управление ресурсами уже не является исключительно внутренней проблемой, но находится на стыке регионального суверенитета, геополитических союзов и предотвращения будущих конфликтов.

Анализ и выводы

Недавние соглашения Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана о границе представляют собой нечто большее, нежели просто дипломатическое достижение. Они знаменуют переход в территориальной политике Средней Азии от спорных территорий к формализованному управлению границами. Но если политическая география чему-то нас и научила, так это тому, что границы нельзя урегулировать одними лишь договорами. Как показывает данное исследование, на них постоянно влияет инфраструктура, безопасность и стратегические нарративы.

Процесс делимитации кыргызско-таджикской границы, который должен завершиться в декабре 2024 года, вслед за ранее достигнутыми соглашениями о кыргызско-узбекской границе, означает региональный консенсус по вопросу демаркации. Однако история учит нас не путать правовую ясность с политической решённостью.⁸¹ Как отмечает Ройбер,⁸² границы – это не нейтральные технические решения, а символические, исторически сложившиеся силовые инструменты управления и изоляции.

За видимым успехом таких пограничных решений, как обмен землями в Бараке и демаркация Воруха, скрываются более глубокие противоречия. Эти соглашения могут разрешать споры на бумаге, но на практике воспроизводят неравенство, перемещение населения и проблемы безопасности. Как показывает пример Барака, территориальные уступки могут стабилизи-

⁷⁸ Megoran, "Taking Account of Authoritarian Peacebuilding in Post-Liberal Statebuilding in Central Asia," 733.

⁷⁹ Derevyanko et al., "Legal Foundations for Resolving Land Disputes Through Mediation," 250.

⁸⁰ Rahmah et al., "Resolution of Land Disputes Through Mediation," 55.

⁸¹ См. также Gulzana Kurmanalieva, "Kyrgyzstan and Tajikistan: Endless Border Conflicts," *L'Europe en Formation*, no. 385(1) (2018): 121-130, <https://doi.org/10.3917/eufor.385.0121>.

⁸² Reuber, "Conflict Studies and Critical Geopolitics," 40.

ровать суверенитет, но дестабилизировать общество, особенно если к переговорам не допущены местные жители или игнорируется необходимость каждодневных поездок.⁸³

Это отражает более широкую тенденцию в разных регионах мира после конфликтов: соглашения часто превращают спорные зоны в тщательно контролируемые милитаризованные коридоры, как это было при разделе Индии и Пакистана, в ходе израильско-палестинского процесса Осло и при обеспечении безопасности на средиземноморской границе ЕС. Если Ферганская долина пойдёт по этому пути, она вскоре может превратиться из зоны спора в зону усиленного контроля и контролируемого сотрудничества, что подорвёт цели миростроительства.

Здесь снова актуален аргумент Клэра двадцатилетней давности: богатые ресурсами или стратегически важные границы не умиротворяются колонизацией; меняется их цель – укрепление власти. Закрытые границы не уменьшают опасений государств; они призваны регулировать торговлю, контролировать инфраструктуру и избирательно обеспечивать перемещение, часто под предлогом национальной безопасности.

Хотя переход к «трёхсторонним переговорам» предполагает региональную ответственность, внешние силы по-прежнему активно влияют на результаты пограничного урегулирования. Россия сохраняет рычаги влияния при помощи архитектуры безопасности ОДКБ, военных баз и энергозависимости.⁸⁴ Инфраструктурное присутствие Китая в коридорах «Одного пояса, одного пути» меняет структуру экономических потоков и дипломатической зависимости.⁸⁵ Тем временем Евросоюз пытается утвердить своё влияние при помощи проектов диверсификации торговли, включая TMTM.

Таким образом, пограничные соглашения не устраняют внешнее влияние, а скорее перераспределяют его. Страны Средней Азии теперь действуют как суверенные агенты и геополитические посредники, балансируя между своими внутренними целями и стратегическими интересами более крупных держав. Это перекликается с тем, что Деяна, Комарова и МакКолл назвали «обоюдоострым характером трансграничного сотрудничества»: открывая пути к трансформации конфликтов,⁸⁶ оно также может усилить вертикаль управления и маргинализировать инициативу снизу.

Пример Ферганской долины поднимает критические вопросы теории разрешения конфликтов. Подвергаются сомнению традиционные модели, рассматривающие территориальное разграничение как итог разрешения

⁸³ Megoran, Rakhmatullaev, "Authoritarianism, Ethnic Management and Non-Securitisation: The Kyrgyz Minority in Uzbekistan," 245.

⁸⁴ Ivanov, "Revolutions in Kyrgyzstan," 525.

⁸⁵ Heathershaw, Owen, Cooley, "The Relational Production of Russian and Chinese 'Rising' Power in Central Asia," 50.

⁸⁶ Deiana, Komarova, McCall, "Cross-Border Cooperation as Conflict Transformation," 535.

споров. Как показали Виганд⁸⁷ и Чэн,⁸⁸ для разрешения фундаментальных споров необходимо не только формальное урегулирование; они требуют многоуровневого посредничества и устойчивого институционального потенциала, чего часто не хватает в недавних соглашениях в Средней Азии.

Исследования миростроительства также показывают, что долгосрочная стабильность зависит не только от демаркации,⁸⁹ но и от управления на основе личных отношений, инклюзивного диалога и территориальных инициатив снизу,⁹⁰ но такие инициативы редко институционализированы в Средней Азии. Начало чёткого определения законных границ в регионе пока не привело к этнотерриториальному примирению, справедливому распределению ресурсов или общей ответственности гражданского общества за мир.⁹¹

Таким образом, Ферганская долина побуждает учёных и практиков пересмотреть определение «решения». Когда заканчивается конфликт – с проведением границ, или тогда, когда эти границы отражают реальную географию и асимметрию власти, адаптируются и развиваются вместе с ними? Демаркацию границ в Средней Азии следует рассматривать не как финал, а как переосмысление функций границы. Теперь они выполняют функции (а) инструментов наблюдения (контроля перемещений и безопасности), (b) рычага (регулирования торговли и транзита) и (с) внешних союзов (интеграции в мировую систему власти). Будущее Ферганской долины будет зависеть не от наличия границ, а от их управления, согласования и восприятия. Станут ли они вратами сотрудничества или стеной отчуждения – открытый вопрос, над которым ещё предстоит поработать учёным.

Заключение

В исследовании утверждается, что пограничный конфликт в Ферганской долине нельзя понять или долгосрочно урегулировать только путём демаркации. На основе критической политической географии, теории посредничества и миротворчества авторы показывают, что границы в Средней Азии выполняют функции не только пределов суверенитета, но и динамичных территориальных практик, формируемых историческим наследием, инфраструктурным потенциалом и изменением геополитических факторов.

Хотя недавние двусторонние соглашения указывают на сдвиг в сторону стабилизации региона, их не следует путать с глубокой трансформацией конфликта. Правовая ясность может разрешить споры на бумаге, но без институциональных механизмов посредничества, инклюзивного управления и

⁸⁷ Wiegand, "Mediation in Territorial, Maritime and River Disputes," 350.

⁸⁸ Cheng, "Role of Mediation in Territorial Disputes in East Asia," 7.

⁸⁹ Pugh, "Peacebuilding Among Transnational Youth," 90.

⁹⁰ Syna, "Negotiating Distinctiveness and Building Resilience," 190.

⁹¹ См. также Anchita Borthakur, "An Analysis of the Conflict in the Ferghana Valley," *Asian Affairs* 48, no. 2 (2017): 334-350, <https://doi.org/10.1080/03068374.2017.1313591>.

планирования инфраструктуры с учетом конфликта границы рискуют стать фактором усиления мер безопасности, изоляции и рецидива нестабильности.

В этой связи устойчивый мир зависит не только от того, где пройдут границы, но и от того, как ими будут управлять. Таким образом, Ферганская долина является важным полигоном для разработки стратегий разрешения конфликтов, выходящих за рамки технических или нормативных решений. Она требует межсекторального многоуровневого подхода к сосуществованию, где суверенитет определяется путём переговоров, границами управляют совместно, а миростроительство основано на социальной географии затронутого населения. Эти выводы имеют непосредственное отношение к региональному сотрудничеству в области безопасности, в том числе в рамках НАТО и программы «Партнерство ради мира», и могут служить уроком для разрешения сложных пограничных ситуаций на других спорных территориях.

Примечание

Мнения, выводы, заключения и рекомендации в данной публикации принадлежат авторам и могут не отражать официальную политику или позицию Консорциума «Партнёрство ради мира», организаций-участниц и любых правительственных или международных организаций, связанных с его руководящими структурами.

Об авторах

Д-р **Ён Цзинь Ан** – профессор Географического факультета Национального университета Чоннам в Кванджу, Южная Корея. Обладая обширным академическим и исследовательским опытом, он исследует взаимосвязь экономической и социальной географии, географической теории и регионального развития, уделяя особое внимание европейскому региону. Профессор Ан опубликовал множество работ по вопросам территориального неравенства, региональной политики и социально-экономической трансформации приграничных районов. Его междисциплинарный подход сочетает теоретические разработки с практическим региональным анализом.

<https://orcid.org/0009-0007-3400-8261>

Электронная почта: yjahn@chonnam.ac.kr

Зухриддин Юраев – кандидат наук Географического факультета Национального университета Чоннам в Кванджу, Южная Корея. Его исследования касаются границ, географии конфликтов и территориальных изменений в бывшем СССР, особенно в Средней Азии. Он опирается на теоретический фундамент экономической и социальной географии, географической теории и регионального развития, изучая территориальные аспекты суверенитета и безопасности. В настоящее время работает над проектами, связанными с разрешением трансграничных конфликтов и геополитическими изменениями в Евразии. <https://orcid.org/0000-0002-6804-7273>

Электронная почта: david94@jnu.ac.kr

Библиография

- Agnew, John, "Borders on the Mind: Re-framing Border Thinking," *Ethics & Global Politics* 1, no. 4 (2008): 175-191, <https://doi.org/10.3402/egp.v1i4.1892>.
- Baizakova, Zhulduz, "Border Issues in Central Asia: Current Conflicts, Controversies and Compromises," *Revista UNISCI* 45 (2017): 221-234, www.redalyc.org/articulo.oa?id=76754084010.
- Borthakur, Anchita, "An Analysis of the Conflict in the Ferghana Valley," *Asian Affairs* 48, no. 2 (2017): 334-350, <https://doi.org/10.1080/03068374.2017.1313591>.
- Brambilla, Chiara, Jussi Laine, and Gianluca Bocchi, *Borderscaping: Imaginations and Practices of Border Making* (London: Routledge, 2016).
- Buronov, Sukhrob, "Water Geopolitics in Central Asia: Threat Analysis," *Oriental Journal of History, Politics and Law* 3, no. 3 (2023): 27-34, <https://supportscience.uz/index.php/ojhpl/article/view/549>.
- Cheng, Wei, "Role of Mediation in Territorial Disputes in East Asia," *Journal of Conflict Management* 4, no. 3 (2024): 1-13, <https://doi.org/10.47604/jcm.2627>.
- Deiana, Maria-Adriana, Milena Komarova, and Cathal McCall, "Cross-Border Cooperation as Conflict Transformation: Promises and Limitations in EU Peacebuilding," *Geopolitics* 24, no. 3 (2019): 529-540, <https://doi.org/10.1080/14650045.2019.1599518>.
- Derevyanko, Bogdan, et al., "Legal Foundations for Resolving Land Disputes Through Mediation as an Alternative Dispute Resolution Method," *European Energy and Environmental Law Review* 32, no. 5 (2023): 248-256, <https://doi.org/10.54648/eelr2023014>.
- Dörre, Andrei, "Changes in the Relationship Between Borders and Pastoral Mobility in Mountain Regions of Central Asia," in *Mapping Transition in the Pamirs: Changing Human-Environmental Landscapes*, ed. Hermann Kreutzmann and Teiji Watanabe (Cham: Springer, 2016), 95-112, https://doi.org/10.1007/978-3-319-23198-3_7.
- Drost, Niels, Giulia Cretti, and Babette van Giersbergen, "Central Asia Emerging from the Shadows: European Union – Central Asia Relations in Evolving Eurasian Geopolitics," *Clingendael Report* (The Hague: Netherlands Institute of International Relations "Clingendael," January 2025), <https://www.clingendael.org/pub/2025/central-asia-emerging-from-the-shadows/>.
- Dyachuk, Marianna I., and Assel G. Kazbayeva, "Particular Qualities of Reconciliation Procedures in the Interethnic Conflict," *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan* 2, no. 77 (2024), https://doi.org/10.52026/2788-5291_2024_77_2_267.
- Elahi, Muhammad Manzoor, et al., "Soviet Practices of (B)ordering: Mapping Blur Borders and Identity Crisis in Post-Soviet Fergana Valley, Central Asia," *Journal of*

- Positive School Psychology* 7, no. 3 (2023): 954-970, <https://journalppw.com/index.php/jpsp/article/view/16267>.
- Filyaeva, Alina I., "Institutional Settlement of Non-Territorial Interethnic Conflicts: Adaptation and Integration Strategies," *Russian Social and Humanitarian Journal* 2 (2023): 6, <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-2-1283>. – in Russian
- Foxall, Andrew, "Borders, Boundaries, and Central Asia Geopolitics," *Geopolitics* 23, no. 3 (2018): 743-746, <https://doi.org/10.1080/14650045.2018.1451845>.
- Gulomov, Sirojiddin, "Politics of Partition: Understanding Border Issues in Central Asia," *Science and Innovation: International Scientific Journal* 2, no. 10 (October 2023): 5-16, <https://doi.org/10.5281/zenodo.8422408>.
- Heathershaw, John, Catherine Owen, and Alexander Cooley, "Centred Discourse, Decentred Practice: The Relational Production of Russian and Chinese 'Rising' Power in Central Asia," in *Rising Powers and State Transformation*, ed. Shahar Hameiri, Lee Jones, and John Heathershaw (London: Routledge, 2020), 44-62, <https://doi.org/10.4324/9781003020042>.
- Ivanov, Yevgeny, "Revolutions in Kyrgyzstan," in *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*, ed. Jack A. Goldstone, Leonid Grinin, and Andrey Korotayev (Cham: Springer, 2022), 517-547, https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_20.
- Kanayama, Rene D., "Renewed Kyrgyz-Tajik Border Conflict – Cui Bono?" *Sicurezza, Terrorismo e Società* 16, no. 2 (2022): 17-43, www.sicurezzaterrorismosocieta.it/wp-content/uploads/2022/12/SicTerSoc16-Kanayama-Renewed-Kyrgyz-Tajik-Border-Conflict-%E2%80%93-Cui.pdf.
- Kenjabaev, Shavkat, and Hans-Georg Frede, "Irrigation Infrastructure in Fergana Today: Ecological Implications – Economic Necessities," in *Society – Water – Technology: A Critical Appraisal of Major Water Engineering Projects*, ed. Reinhard F. Hüttlet et al. (Cham: Springer, 2016), 129-148, https://doi.org/10.1007/978-3-319-18971-0_10.
- Khan, Sarah, and Ahmed Ali, "Cross-Border Infrastructure Projects and Regional Peacebuilding," *Journal of Regional Connectivity and Development* 2, no. 1 (2023): 172-183, www.journalofregionalconnectivityanddevelopment.com/index.php/2/article/view/19.
- Klare, Michael T., "The New Geography of Conflict," *Foreign Affairs* 80, no. 3 (2001): 49-61, www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2001-05-01/new-geography-conflict.
- Kurbanov, Sobir, "Fostering Prosperity in the Fergana Valley through Economic Development, Cross Border Trade, and Investment," Visiting Fellow Program (Xinjiang, PRC: CAREC Institute, December 2021), www.carecinstitute.org/wp-content/uploads/2021/12/CI-VFP-2021-Fergana-Valley-10-Dec-2021.pdf.

- Kurmanalieva, Gulzana, "Kyrgyzstan and Tajikistan: Endless Border Conflicts," *L'Europe en Formation*, no. 385(1) (2018): 121-130, <https://doi.org/10.3917/eufor.385.0121>.
- Levy, Tal, "Political Geography and Grassroots Conflict Resolution," in *People-to-People Diplomacy in Israel and Palestine*, ed. Sapir Handelman (London: Routledge, 2014), 140-154, <https://doi.org/10.4324/9781315540276>.
- Lövgren, Pauline, "Responsibility to Protect, Eurasianism, or Russkiy Mir?" Master's Essay (Stockholm University, 2022), <https://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A1665018&dswid=8501>.
- McGlinchey, Eric, "The April 2021 Kyrgyz-Tajik Border Dispute: Historical and Causal Context," *Crossroads Policy Brief 2-2021*, Crossroads Central Asia, July 2021, 1-8, <https://crossroads-ca.org/the-april-2021-kyrgyz-tajik-border-dispute-historical-and-causal-context/>.
- Megoran, Nick, "For Ethnography in Political Geography: Experiencing and Re-imagining Ferghana Valley Boundary Closures," *Political Geography* 25, no. 6 (2006): 622-640, <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2006.05.005>.
- Megoran, Nick, "Taking Account of Authoritarian Peacebuilding in *Post-Liberal Statebuilding in Central Asia*," *Central Asian Survey* 42, no. 4 (2023): 732-734, <https://doi.org/10.1080/02634937.2023.2271528>.
- Megoran, Nick, and Shavkat Rakhmatullaev, "Authoritarianism, Ethnic Management and Non-Securitisation: The Kyrgyz Minority in Uzbekistan," *Europe-Asia Studies* 74, no. 2 (2022): 237-265, <https://doi.org/10.1080/09668136.2022.2032603>.
- Morgan, W. John, "Soft Power, Public Diplomacy, and Modernity in China and Russia," *Eurasian Geography and Economics* 66, no. 2 (June 2023): 279-285, <https://doi.org/10.1080/15387216.2023.2225069>.
- Pugh, Jeffrey D., "Peacebuilding among Transnational Youth in Migrant-Receiving Border Regions of Ecuador," *Journal of Peacebuilding & Development* 11, no. 3 (2016): 83-97, <https://doi.org/10.1080/15423166.2016.1222591>.
- Rahmah, Siti, et al., "Resolution of Land Disputes Through Mediation," *Mahadi: Indonesia Journal of Law* 3, no. 1 (2024): 51-62, <https://doi.org/10.32734/mah.v3i01.15763>.
- Reuber, Paul, "Conflict Studies and Critical Geopolitics – Theoretical Concepts and Recent Research in Political Geography," *GeoJournal* 50 (2000): 37-43, <https://doi.org/10.1023/A:1007155730730>.
- Sharma, B. K., "Geopolitics in Central Asia: Implications for India," *Indian Foreign Affairs Journal* 16, no. 4 (2021): 322-330, [https://www.associationdiplomats.org/Publications/ifaj/Vol16/16\(4\)/ARTICLE%204.pdf](https://www.associationdiplomats.org/Publications/ifaj/Vol16/16(4)/ARTICLE%204.pdf).

- Steinberg, Philip, and Kimberley Peters, "Wet Ontologies, Fluid Spaces: Giving Depth to Volume through Oceanic Thinking," *Environment and Planning D: Society and Space* 33, no. 2 (2015): 247-264, <https://doi.org/10.1068/d14148p>.
- Sullivan, Charles J., "Battle at the Border: An Analysis of the 2021 Kyrgyzstan-Tajikistan Conflict," *Asian Affairs* 52, no. 3 (2021): 529-535, <https://doi.org/10.1080/03068374.2021.1940587>.
- Syna, Helena Desivilya, "Negotiating Distinctiveness and Building Resilience: Arab and Jewish Women's Acts of Micro-Emancipation in the Context of Israeli Municipal Councils," *Conflict Resolution Quarterly* 42, no. 1 (Fall 2024): 181-199, <https://doi.org/10.1002/crq.21440>.
- Toktomushev, Kemel, "Understanding Cross-Border Conflict in Post-Soviet Central Asia: The Case of Kyrgyzstan and Tajikistan," *Connections: The Quarterly Journal* 17, no. 1 (2018): 21-41, <https://doi.org/10.11610/Connections.17.1.02>.
- United Nations, "Report of the United Nations Conference on the Midterm Comprehensive Review of the Implementation of the Objectives of the International Decade for Action, 'Water for Sustainable Development' 2018–2028, New York, 22–24 March 2023," <https://digitallibrary.un.org/record/4031378?ln=en&v=pdf>.
- Wiegand, Krista E., "Mediation in Territorial, Maritime and River Disputes," *International Negotiation: A Journal of Theory and Practice* 19, no. 2 (2014): 343-370, <https://doi.org/10.1163/15718069-12341281>.
- World Bank, "Improving Transport Connectivity in Central Asia Requires a Coherent Approach," Press Release No. 2021/ECA/77, April 2, 2021, 12, <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/04/02/improving-transport-connectivity-in-central-asia-requires-a-coherent-approach>.